

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

А. Д. Желтяков, С. М. Иванов

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИКИ ЭТАТИЗМА В ТУРЦИИ (постановка проблемы)

В исследованиях советских и зарубежных авторов, посвященных анализу общественно-политического развития республиканской Турции, основное внимание до сих пор уделялось процессам модернизации, а точнее, буржуазным преобразованиям в этой стране после победы кемалистской революции. Значительное число работ, выполненных у нас и за рубежом под этим углом зрения, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в настоящее время сложилась определенная направленность исторического мышления большинства специалистов по новейшему периоду турецкой национальной истории.

В то же время, и это следует подчеркнуть, сравнительно мало внимания уделяется тем аспектам изучения страны, которые позволили бы показать и оценить влияние исторических традиций, их преломление в социально-экономическом и политическом развитии республиканской Турции. По крайней мере в советской исторической науке нам неизвестна работа, которая ставила бы своей основной целью проследить на турецком материале, если можно так выразиться, «наследственность и изменчивость» различных общественных институтов и форм проявления политической жизни, т. е. известную «связь времен», прошедших и нынешней эпох. А между тем выполнение подобного рода исследования представляет, на наш взгляд, несомненный интерес, поскольку оно открывает возможность показать, что изменилось, а что, напротив, «проросло» в общественно-политическую, культурную и экономическую жизнь республики из османского прошлого; расширяет и обогащает наши представления об историческом развитии Турции; избавляет их от возможного налета односторонности и схематизма¹.

Вспомним в связи с этим известное замечание В. И. Ленина, который указывал, что «самое надежное в вопросе общественной науки... не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть,

чем данная вещь стала теперь»². Диалектика исторического процесса, по мысли В. И. Ленина, выражается, следовательно, в том, что, с одной стороны, общество развивается скачкообразно, в результате этого возникает новая форма его социально-политической организации, но в то же время эта новая форма длительное время еще «переваривает» прежнее содержание, тот социальный материал, который был унаследован от прошлого. При этом старое содержание отнюдь не пассивно, оно, в свою очередь, пытается подчинить или приспособить к себе возникающие формы общественно-политической жизни. И в этом отношении общественное развитие эволюционно, преемственно, исторично.

Мы остановились на этих общеизвестных положениях, поскольку ниже хотели сконцентрировать внимание на одном из аспектов преемственности и историзма в развитии экономических функций государства в османско-турецкой истории. Интерес к постановке подобного рода вопросов у авторов этих строк возник не случайно.

Марксистские исследования, проведенные в последние годы по проблемам типологии развивающихся стран, выявили значительную группу афро-азиатских государств, где определяющим укладом общественной эволюции стал национальный капитализм³. На это обстоятельство было обращено внимание в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, когда при характеристике основных направлений социально-экономического и политического развития афро-азиатских стран, в частности, указывалось: «Одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения»⁴.

Как известно, капитализм в странах зарубежного Востока в сравнении с его «классическими» западными образцами имел на этапе своего становления определенные особенности. Заметные отличия наблюдаются и в образовании его современных форм. Многие из этих особенностей подробно обсуждались и нашли исчерпывающее освещение в работах советских и зарубежных специалистов, другие лишь сравнительно недавно стали объектом пристального внимания.

К числу последних относятся и проблемы, связанные с появлением государственно-монополистических тенденций в ряде стран Азии. В случае дальнейшей капиталистической эволюции этих стран государственно-монополистические тенденции в них, несомненно, будут усиливаться, что в перспективе способно привести к формированию в отдельных регионах азиатского мира восточного варианта государственно-монополистического капитализма. Естественно предположить, что подобного рода структурная перестройка экономической системы повлечет за собой серьезные изменения и в общественно-политической жизни Азии в целом. Причем характер этих изменений во многом будет определяться спецификой становления азиатской модели государственно-монополистического капитализма, той спецификой, которая, в свою очередь, в значитель-

ной степени обуславливается особенностями функционирования государства в рассматриваемых странах.

В чем же эта специфика? Какова роль государства в общественно-политической и экономической жизни этих стран? В чем выражается практика государственной административно-хозяйственной деятельности, а следовательно, что представляет собой государственный бюрократический аппарат, политически активная часть (элита) господствующих классов в странах Азии? Каков потенциал, характер, социальная направленность и в целом возможная социальная эффективность деятельности государственно-бюрократического аппарата? Вот далеко не полный перечень вопросов, удовлетворительные ответы на которые могут быть найдены, как нам представляется, лишь в результате пересечения горизонтальных (социологических) и вертикальных (исторических) исследований.

Авторам этих строк близка позиция советского ученого Р. Г. Ланды, который в одной из своих последних работ отметил следующее: «Обычно в странах афро-азиатского мира, даже завоевавших независимость революционным путем, наблюдается более или менее длительная преемственность в составе и социальном характере госаппарата... Такого рода преемственность способствовала живучести старых методов управления, норм и стиля колониальной бюрократии... Одной из негативных черт традиционной бюрократии колониальной школы является ее кастовая замкнутость, самодовлеющий характер... Это во многом объясняется исключительной престижностью близости к руководству государством, исторической ролью государства на Востоке, а также новой тенденцией экономической технократии к самоутверждению, к превращению ее не только в независимую от других общественных групп, но и в господствующую над ними силу»⁵. Не случайно поэтому, добавим мы от себя, одной из важнейших типологических черт и отличительных особенностей капитализма в странах зарубежного Востока все чаще признается его государственно-бюрократический характер⁶.

В чем причина зарождения и развития в Азии именно такой «бюрократической» модели капитализма? Не ставя перед собой цели определить, насколько полно эта проблема решена советской востоковедной наукой в целом, можем лишь заметить, что на материалах османско-турецкой истории этот вопрос нашими специалистами далеко еще не разработан.

В самом деле, до сих пор в советской научной литературе, посвященной вопросам экономического развития Турецкой Республики, проблема возникновения государственного капитализма (этатизма) рассматривалась главным образом в плоскости горизонтальных связей. Освещались прежде всего те объективные условия хозяйственной жизни этой страны в 20—30-е годы, которые, по мысли исследователей, и привели к феноменальному расширению экономических функций государства, т. е. обращалось внимание

на слабость национальной буржуазии, отсутствие у нее предпринимательского опыта, неразвитость экономической и социальной инфраструктуры, специфику положения в мировом капиталистическом хозяйстве во время «великой депрессии» и т. д. Область же вертикальных, исторических связей, приведших Турцию к этатизму, оставалась практически вне поля зрения наших специалистов. И лишь в последней работе Ю. Н. Розалиева, посвященной экономической истории республиканской Турции, связывается экономическое строительство в этой стране в XX в. с ее османским прошлым, но делается это довольно лапидарно, в сущности, лишь одной фразой: «Государственный капитализм как особая форма капиталистических отношений,— пишет Ю. Н. Розалиев,— появился задолго до кемалистской революции, но подлинный расцвет его падает на послереволюционный период»⁷. Можно выразить сожаление, что автор этой содержательной монографии, тема которой априори предполагает некоторый исторический экскурс в предмет исследования, не обосновал выдвинутый им тезис.

На наш взгляд, возникновение этатизма в Турции было определено не только объективными социально-экономическими условиями существования молодой республики, но и унаследованной от османского прошлого двойкой исторической традицией, корни которой уходят в средневековье и даже еще глубже, в другие, более ранние эпохи. Мы имеем здесь в виду: 1) традиционное, в значительной мере воспитанное условиями жизни по догматам ислама пренебрежение к капиталистической предпринимательской деятельности; 2) общенсламскую, и османскую в том числе, традицию государственного регулирования хозяйственной жизни страны. Этатизм, в нашем понимании, не был «чистым продуктом», специфическим порождением кемалистского режима, неким «третьим путем развития», создание которого часто приписывается турецкими авторами М. К. Ататюрку и его ближайшим соратникам. Этатизм и возникшая на нем современная, имеющая тенденцию превращения в государственно-монополистический капитализм социально-экономическая система могут рассматриваться как продолжение исторических традиций, сохранение традиционных для османского прошлого функций государства по регулированию экономической жизни общества. Сами по себе эти функции были унаследованы кемалистским государством от империи, изменилось лишь социальное содержание и классовая направленность экономической активности государства.

Разумеется — мы подчеркиваем это, — подобное утверждение делается нами лишь в порядке общей и предварительной постановки вопроса. И тем не менее уже сейчас хотелось бы сослаться на отдельные результаты или фрагменты исследований зарубежных и советских востоковедов, прямо или косвенно подтверждающих, на наш взгляд, выдвинутые нами положения. При этом нас будет интересовать интерпретация этими авторами проблем преемствен-

ности в общественно-политических структурах османской и республиканской Турции по двум основным направлениям: 1) место государства в обществе и 2) характерные черты его административно-хозяйственной деятельности.

Исходя из поставленных задач, наше внимание привлекла прежде всего книга известного в Турции публициста и историка И. Джема «История отсталости Турции»⁸. Автор делает попытку проследить возникновение и развитие социально-экономической отсталости Турции на протяжении средневековья, нового и новейшего времени.

Нельзя не заметить, что И. Джем явно идеализирует османское средневековое прошлое. Но в то же время отдельные положения его работы, и прежде всего касающиеся специфики места и роли государства в экономической, общественно-политической и идеологической жизни Османской империи, применительно к затронутой теме заслуживают, как нам кажется, внимания. Например, автор утверждает, что в османской административной традиции понятия религии и государства были едины и неразделимы. Все государственные учреждения и законы были облегчены в форму, требуемую Кораном и мусульманским правом. А поскольку Коран не просто декларировал религиозные обязанности, но и самым детальным образом определял общественное устройство и мировоззрение мусульман, то в этих условиях государство превращалось во всепроникающую и всерегулирующую силу⁹.

Особенно настойчиво эта мысль проводится автором при анализе экономических функций государства по регулированию хозяйственной жизни империи. Для взглядов И. Джема весьма характерно то, что, описывая административно-хозяйственную деятельность государства времен империи, он употребляет тот же термин «девелопмент» (этатизм), что и для экономической системы кемалистской Турции¹⁰. «Для существования и функционирования османской экономической системы,— пишет он,— государство должно было ограничивать бесконтрольную деятельность индивидуумов, дабы обеспечить в общине безопасность, равенство и справедливость; сохраняя в своих руках собственность на землю, соблюдать порядок в производстве и не допускать увеличения числа деребеев; контролировать ремесла, организовывать цехи, регулировать внутреннюю и внешнюю торговлю, обеспечивать снабжение больших городов продовольствием... контролировать склады и рынки, организовывать крепкую вакуфную систему и тем самым в какой-то мере обеспечивать социальную помощь и поддержку и т. д.»¹¹.

В дальнейшем автор на конкретном материале прослеживает, используя первоисточники и многочисленные исследования турецких и западных специалистов, регулирующие действия государства по всей цепочке общественного воспроизводства: производство — распределение — обмен — потребление. Так, он указывает на то, что османское государство вынуждено было с целью решения про-

блем снабжения продовольствием населения больших городов следить за производством и потреблением сельскохозяйственной продукции. Возможность для подобного контроля определялась наличием государственной собственности на землю (земли мираи) и существованием, по выражению того же автора, специальной прослойки «служащих-воинов», т. е. сипахи. По мысли И. Джема, практиковавшаяся в Османской империи система регулирования сельскохозяйственного производства приводила к стабильному снабжению городского населения продовольствием и вместе с тем не истощала земельные ресурсы страны. Ибо крестьянин был лишен права сеять то, что он хотел, а также не засеивать поле вовсе. Его произвольные действия, которые могли бы стать основной причиной неэффективности производства, решительно пресекались.

В результате установления контроля над сельскохозяйственным производством в изначальной его стадии оно осуществлялось для сугубо определенных рынков и в определенных районах. Так, например, необходимые ежедневно населению Стамбула 20—25 тыс. голов скота и 20 тыс. киле пшеницы в XVII в. доставлялись в город из заранее выбранных провинций империи¹².

Строгому контролю со стороны государства подвергалась и подготовка товаров. И. Джем пишет о том, что специальные чиновники следили за их сбором и транспортировкой на государственные склады портовых городов. Если какой-либо вид продукции предназначался для Стамбула, то государство уполномочивало для ее перевозки либо собственного чиновника, либо особо доверенного купца. Погрузка, транспортировка и выдача товаров потребителям проходили под неусыпным контролем государственных чиновников и сопровождалась многими бюрократическими формальностями. При этом в первую очередь удовлетворялись нужды двора, государственных мастерских и армии¹³.

Развитая система государственного регулирования, по мысли И. Джема, существовала в Османской империи и по отношению к промышленному (точнее, ремесленному) производству. Там она осуществлялась в еще более жестких формах, чем в сельском хозяйстве. Необходимую основу для государственного контроля над производством здесь предоставляла сама цеховая организация османских ремесленников и купцов. В XVII в., как пишет И. Джем, в те или иные цехи входило практически все взрослое и трудоспособное мужское население Стамбула — 126 тыс. человек. Внутри цехов поддерживалась жесткая дисциплина, призванная обеспечить строгую регламентацию производства. Государство через цехи легко устанавливало и контролировало цены и качество производимых изделий. При этом любое отклонение от принятых норм, касающихся количества и качества товаров, характеристики сырья, из которого они были выработаны, как и любая попытка получения последнего из непредусмотренных источников, неукос-

нительно пресекались, а виновные в таких нарушениях наказывались¹⁴.

Помимо сферы производства государственному контролю в Османской империи была подвержена и сфера обращения. Внутренняя и внешняя торговля, по данным И. Джема, постоянно испытывали на себе воздействие регламентирующих функций государства. Для внутриторговых операций характерным было определение и поддержание «сверху» установленных государством оптовых и розничных цен на товары. Такому же, если не еще более жесткому, контролю подвергалась и внешняя торговля. Государство запрещало прежде всего вывоз за границу «стратегических» товаров или перевоз их из одного района в другой¹⁵.

Заканчивая свою характеристику экономической деятельности государства в условиях «османского строя», И. Джем приходит к выводу, что возложенные на себя османским государством различные экономические функции были продиктованы стремлением «защитить порядок и оградить народ от разрушительного действия экономической стихии»¹⁶.

Несомненно, многое можно поставить в упрек автору цитированной нами работы при разборе построенной им «модели» хозяйственной жизни в Османской империи. Не выдерживает, например, никакой критики его концепция «исламского государства», якобы пекущегося о равенстве, социальной справедливости и благоденствии своих подданных применительно к военно-деспотической организации турецкого общества эпохи средневековья¹⁷. Положение об органической связи и взаимопроникновении светских государственных и религиозных институтов, соединение их в неделимое «дин-у-девлет» также нуждается, на наш взгляд, в дополнительном обосновании¹⁸. Бросается в глаза и абсолютизация автором принципа государственной собственности на землю в эпоху средневековья и в новое время.

Однако основная ошибка И. Джема, как нам представляется, состоит в следующем. Задавшись целью определить важнейшие причины социально-экономической отсталости Турции, он не замечает или просто не осознает, что в идеализируемой им модели регулирующей деятельности османского государства как раз и кроется главнейшая из этих причин, что именно эта всеобщая зарегулированность порождает стагнацию производительных сил и производственных отношений в восточно-феодальном обществе.

В советской науке эта мысль, насколько нам известно, впервые была сформулирована И. М. Рейснером¹⁹, позднее она была повторена В. И. Павловым в коллективной монографии «Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса». В. И. Павлов пишет: «Главная причина застойности восточнофеодальных обществ заключалась в том, что „господствующие всеобщие определения“ перешли из производства, где они уже приобрели традиционную форму, на распределение, а через него на обмен и по-

требление. Все эти четыре момента базиса оказались прочно „схваченными“, урегулированными, упорядоченными законами и идеологией господствующего класса с его оценочными, производственными, потребительскими и поведенческими нормативами...»²⁰.

И. Джем не видит этого. Для него всеобщая зарегулированность и усредненность — это идеальный общественный строй, созданный османами в эпоху средневековья и разрушенный в более позднее время экспансией европейского капитала. В османском обществе, по И. Джемму, не было социальных противоречий, а государственный административно-политический аппарат империи был «открытой системой». «Крестьянин мог превратиться в сипахи; люди, которые проявили себя в бою или при дворе, откуда бы они ни происходили, могли продвинуться до паши или везира», — пишет он²¹.

Очевидно, многие из положений И. Джема, касающиеся как его характеристики общественно-политической и экономической жизни османского общества, так и роли государства в ее организации, нуждаются не только в уточнении, но и в серьезной корректировке. И тем не менее мы сочли целесообразным подробно рассмотреть эти разделы работы турецкого автора, поскольку в них довольно полно освещается интересующая нас тема, а именно традиционная для Османской империи практика государственного регулирования хозяйственной жизни страны.

Помимо И. Джема аналогичные или сходные мысли по затронутым вопросам высказывают и другие специалисты в области экономической истории стран Ближнего Востока. Так, турецкий историк Х. Иналджик подчеркивает, что в условиях османского общества «все политические и социальные институты, а также все виды экономической активности регулировались государством»²². Подобной же точки зрения придерживаются Н. Беркес²³ и Г. Баер, который заостряет внимание на конкретном аспекте экономической деятельности османского государства — регулировании им ремесленного производства. Как пишет этот исследователь, «самой важной функцией цехов, выполняемой ими на протяжении многих столетий, была функция посредника между государством и городским населением»²⁴. «Инструкции, касающиеся качества товаров, вырабатывались властями, и власти же наказывали производителей или продавцов недоброкачественной продукции. Цехи были призваны контролировать выполнение официальных инструкций и сообщать о нарушениях законов. Рыночные цены на товары также определялись государством, и завышение их не допускалось»²⁵.

Вопросы, связанные со спецификой государственной организации хозяйственной жизни Османской империи, давно уже привлекают внимание и советских исследователей. Оговоримся, что в рамках этой небольшой статьи мы не ставим перед собой задачу определить собственную позицию в отношении того или иного аспекта развернувшейся у нас дискуссии о типологических особенностях

османского феодализма. Нам важно сейчас подчеркнуть другое: советские ученые, выступая с иных, чем их западные коллеги, методологических позиций, также отмечают в качестве одной из важнейших характеристик хозяйственной жизни османского общества прямое участие в ней феодального государства.

В наиболее концентрированном виде эта мысль, как нам кажется, сформулирована в работах Н. А. Иванова и И. М. Смилянской²⁶. Для нас исследования этих авторов приобретают тем большее значение, что они серьезно расширяют географический ареал той административно-хозяйственной системы, которая И. Джемом описана преимущественно на материалах имперского центра Стамбула. У Н. А. Иванова и И. М. Смилянской под действием государственной системы организации производства оказываются уже не только центральные, но и периферийные, арабские территории империи. Здесь, равно как и в Стамбуле, «государство непосредственно разрабатывало правила торговли и условия ремесленного производства, следило за поступлением сырья и его распределением, контролировало и направляло сбыт продукции»²⁷. Подобная же система хозяйственной организации, как это явствует из работы крупного болгарского историка Н. Тодорова, существовала и на Балканах, сохраняясь там вплоть до второй половины XIX в.²⁸

Таким образом, исходя из исследований марксистских авторов, а также работ турецких и западных буржуазных специалистов, можно заключить, что регулирующие функции государства в области экономики являются для такой страны, как Турция, глубоко укоренившейся, вытекающей из самой специфики восточного феодализма исторической традицией. Однако применительно к теме настоящей статьи уместно будет поставить вопрос и о том, что обеспечило передачу этой традиции новой, кемалистской Турции. Отвечая на него, мы хотим сконцентрировать внимание на двух основных моментах. Первый из них — это степень качественных изменений в структуре общественно-политической организации молодого кемалистского государства по сравнению с поздней империей; второй — характеристика государственного аппарата, полученного республикой в наследство от имперского прошлого.

Известно, что, придя к власти, кемалисты отстранили от управления государством улемов, лишили их права вмешиваться в административно-судебные и политические дела; политическая роль офицерского корпуса в 20—30-е годы также заметно снизилась; государственная власть в это время сосредоточивается в руках новой политической элиты — верхушки созданной М. К. Ататюрком Народно-республиканской партии. На эти сдвиги в политической жизни Турции (не говоря уж об упразднении султаната и халифата, провозглашении республики, созыве нового парламента и т. д.) неоднократно обращалось внимание в работах советских и зарубежных исследователей.

Но в то же время, как нам представляется, формирование хо-

зьяственно-политического и административного механизма Турции 20—30-х годов может рассматриваться и как некое продолжение, а в определенном смысле и кульминация тех процессов, которые обозначились значительно раньше. Изменения отдельных сторон жизни общества были, бесспорно, весьма радикальными, но нельзя забывать и того, что в существенной своей части они были эволюционными и постепенными, с минимальным разрывом с прошлым. Объясняется это тем, что и социальная база кемалистов и сами политические лидеры новой Турции были порождены и воспитаны условиями жизни в Османской империи. Известно, что в отличие от социалистических революций при революциях буржуазных не происходит полного слома старой государственной машины и ее аппарата. Поэтому если в ближайшем окружении М. К. Ататюрка были достаточно представлены новые люди, то большинство высших чиновников кемалистской Турции являлись все же выходцами из старой османской бюрократии²⁹. Так, хотя М. К. Ататюрк отстранил от власти прежнюю верхушку армии, многие ее представители вошли в правительственные органы, в парламент и т. д.

Главное же заключается в том, что основные принципы и методы административной деятельности нового правительства не претерпели по сравнению с султанской Турцией существенных изменений. Так, во времена Османской империи управление ее провинциями строилось на основе жесткой централизации и подотчетности провинциальных властей непосредственно Стамбулу, что, в свою очередь, предполагало сосредоточение всей полноты административной, политической и экономической власти в руках провинциального правителя. Именно эта сложившаяся в веках система управления и была воспринята республиканской Турцией. «Ататюрк,— замечают по этому поводу в своей работе двое западных исследователей,— предприняв широкую программу преобразований, обратился к существовавшей уже централизованной административной структуре, предоставляя администраторам столько власти, сколько они могли потребовать... Структура провинциального управления, унаследованная от империи, была чрезвычайно удобной для его целей. Она включала систему административных глав провинций и районов, которые назначались и были непосредственно ответственны перед центральными учреждениями министерства внутренних дел. Эти люди были частью системы, в которой контроль был высоко централизован, их повседневная активность в большинстве случаев направлялась директивами из Анкары. С другой стороны, провинциальная и районная администрация была облечена широкой властью над местным населением. Бюрократия могла выступать по отношению к массам как принудительная сила, не боясь политических осложнений»³⁰.

Централизованный контроль государства над обществом, по мысли этих авторов, в республиканской Турции не только сохра-

нялся, но по сравнению с периодом империи значительно возрос благодаря расширению функций государственной бюрократии³¹. Как замечает по этому поводу видный турецкий дипломат Н. Эрен, в кемалистской Турции на смену государству неограниченной теократии времен империи пришло государство «неограниченного парламентаризма», важнейшей характерной чертой которого являлось присвоение парламентом и правительством права действия от имени нации. Известный кемалистский лозунг «хакимьет миллетиндир» («суверенитет принадлежит нации») был трансформирован государственным аппаратом в основополагающий принцип отношений с гражданским обществом, при котором политическая элита и верхушка бюрократии получила возможность заявлять: «наша воля — это воля нации»³².

Содержание политической организации общества в кемалистской Турции не претерпело, таким образом, принципиальных изменений по сравнению с прежним режимом. Более того, как утверждают цитированные выше два исследователя, «Турецкая Республика унаследовала не только сильную бюрократическую традицию и структуру от Османской империи, но сам персонал, который составлял эту обширную структуру... Многие из этих османских чиновников принесли с собой прежние навыки администрирования, свои политические и социальные взгляды на служебные дела»³³.

В первые десятилетия существования республиканской Турции в ней сохранялись и своеобразные «передаточные механизмы» традиций османской бюрократии в виде учебных заведений, которые были созданы для подготовки гражданских чиновников при султанах. В качестве примера такой преемственной связи в системе подготовки государственных служащих специалисты указывают на сохранение основанной в середине XIX в. Школы гражданских чиновников («Мюлькие мектеби»), преобразованной позднее в факультет политических наук Анкарского университета. Авторитет этого учреждения в старой Турции был довольно высок: в последние десятилетия империи его выпускники занимали в основном средние, а нередко и высшие административные посты в провинциальной системе управления. И в республиканской Турции оно продолжало пополнять высшие и средние эшелоны гражданской бюрократии. Причем в условиях однопартийного режима питомцы «Мюлькие» — ФПН являлись одновременно партийными функционерами, а потому обладали и значительной политической властью. Так, в составе первых десяти созывов ВНСТ (1920—1954) 68% государственных служащих, выбранных в его состав, были выпускниками этого учреждения³⁴.

Таким образом, одно и то же учебное заведение воспитывало и османскую и республиканскую политическую элиту. Неудивительно поэтому и то, что система отношений государства и его представителей с гражданским обществом в буржуазной Турции сохра-

няла прежние, унаследованные от османского прошлого стереотипы. Свидетельства этого могут быть найдены во многих аспектах общественно-политической жизни республиканской Турции.

Интересная, на наш взгляд, ремарка по этому поводу содержится в работе известного западного ориенталиста Б. Льюиса. В его интерпретации различия между англо-саксонской и турецкой практикой государственной административной деятельности проявляются, в частности, в следующем: «Роль гражданского служащего в англо-саксонской демократии, пожалуй, самым лучшим образом выражается самим термином „гражданский служащий“. Турецкое же официальное лицо, по крайней мере в тех учреждениях, где осуществляется какая-то власть над народом, не является „гражданским служащим“. Турецкий эквивалент этого понятия — „мемур“ — означает буквально „тот, кто управляет“, и это слово, конечно же, выражает отношение к власти, которой он подчиняется. Но в то же время для основной массы населения он является не слугой, а господином или в крайнем случае пастырем и в этом качестве все еще воспринимается массами... Изменения в обществе, — заключает свою мысль автор, — редко идут в ногу с изменением политических режимов, и было бы совсем не так просто вырвать остатки вековых традиций...»³⁵.

С мнением Б. Льюиса согласен и другой видный западный ориенталист, А. Бонне, который еще в середине 50-х годов заметил на этот счет, что провозглашение новых законов, создание корпуса гражданских чиновников, увеличение их числа и экспансия функций государства — все это само по себе не привело еще к фундаментальным психологическим сдвигам в сознании тех людей, из которых состоит государственный аппарат и которые должны отдавать свои силы эффективному служению новому государству. Для достижения подобного рода изменений, предполагающих чувство ответственности перед государством, часто требуется смена многих поколений (администраторов)»³⁶.

Поведенческая психология в обществе, стиль и характер административной деятельности турецкой бюрократии — далеко не все, что она вынесла из османского прошлого. При характеристике этой социальной прослойки турецкого общества хотелось бы обратить внимание еще на одну присущую ей черту: унаследованный республикой чиновничий аппарат был, так сказать, материальным носителем традиции государственного регулирования экономической жизни общества.

Вынесенная из глубин мусульманского средневековья идея экономической деятельности государства, его руководства хозяйственным развитием страны была, пишет уже упоминавшийся Б. Льюис, «хорошо понятной и знакомой в такой стране, как Турция; она вполне соответствовала унаследованным традициям и привычкам и правителей и управляемых... Для кемалистского режима, авторитарного, бюрократического и патерналистского (по своему суще-

ству), идея государственного руководства и контроля в области экономики была естественным и очевидным распространением власти, прерогатив и функций правящей элиты. Если экономическое развитие было действительно необходимо, то оно должно было осуществляться теми, кто является ответственным за это, как и за другие подобные вопросы, призванные обеспечить свободу и благополучие нации. Это слишком важно, чтобы можно было положиться на безответственных предпринимателей и крестьянство»³⁷.

Данное замечание Б. Лыса можно было бы воспринять и как едкую иронию по поводу умонастроений турецких государственных деятелей первых лет республики, если бы не существовало довольно веских аргументов, подтверждающих возможность в Турции того времени именно такой постановки вопроса. Обратимся, например, к творческому наследию Зии Гёкальпа, которого можно считать одним из основных идеологов кемалистского режима. В одной из его статей, написанной в 1923 г., мы можем обнаружить не только общую идею, но и развернутую программу этатизации экономики. «Народ Турции,— писал Зия Гёкальп,— оказался способным воспринять европейскую военную технику во всех ее деталях, он может поэтому освоить и наиболее современные изобретения и открытия в области промышленности. Но военная техника была введена не благодаря инициативе отдельных личностей. Это сделало государство. Наша медицина, которая также довольно развита, опять же была внедрена посредством государственных мероприятий. Следовательно, только государство может решить задачу создания в стране крупной промышленности... По своему характеру турки являются естественными этатистами. Они ждут от государства, чтобы оно осуществляло инициативу во всем новом и прогрессивном»³⁸.

Приведенное высказывание виднейшего буржуазного идеолога Турции, автора «Программы тюркизма», которая легла в основу идейно-политической доктрины кемализма и отразилась в практике созданной в том же, 1923 г. Народно-республиканской партии, находившейся у власти вплоть до 1950 г., представляется нам лучшим свидетельством и доказательством естественного для правящей элиты Турции стереотипа мышления, трактовки роли государства как хранителя традиционных социальных институтов и их приспособления к трансформации турецкого общества, вставшего на путь капитализма, но сохранившего полуфеодалную структуру.

Заканчивая статью, мы полагаем, что предложенный в ней исторический экскурс поможет лучше понять генезис и природу турецкого этатизма, показывает, что на экономическую политику Турецкой Республики 20—30-х годов, когда этатизм был объявлен одним из шести столпов нового турецкого государства, немалое влияние оказала и традиционная система государственного эконо-

номического регулирования, веками действовавшая в Османской империи. Республиканский режим приспособил эту систему для нужд новых господствующих классов — национальной буржуазии и помещиков, интересы которых в то время представляла одна партия — НРП. Провозглашение этатизма как важнейшего принципа государственной экономической политики дало стимул для утверждения капиталистических отношений, формирования рабочего класса и буржуазии, развития классовой и политической борьбы в стране.

Нападки на этатизм со стороны ряда возникших после войны буржуазных партий (ДП, ПС и др.) отражают стремление определенных групп крупной буржуазии расширить сферу частнокапиталистического предпринимательства, но не преследуют цели добиться его полной ликвидации. Ни одна буржуазная партия не может от него полностью отказаться, поскольку госкапитализм есть та основа, которая позволяет буржуазному государству сохранять решающее влияние и в материальной и в духовной жизни общества, выступать регулятором социальных отношений и вторгаться практически во все сферы общественной жизни.

Переняв от империи прежних веков функцию контроля над экономикой, современное турецкое буржуазное государство выполняет свою основную классовую функцию, используя не только новые, но и традиционные социальные институты.

¹ Ориентация научной работы в этом направлении, заметим также, может иметь наряду с академическим и немаловажное практическое значение. Весьма показательны в этом смысле слова польского дипломата С. Пиотровского, который, по его собственному признанию, готовясь к отъезду на работу в Анкару, довольно слабо представлял себе роль, которую играет в жизни современной Турции ее османское прошлое. «Какой след оставили в сознании турка былые мощь и величие империй? Каким образом история движет (а может быть, тормозит) развитие страны? Вот вопросы, которые мучили меня и на которые я не находил ответа в книгах» (курсив наш.— А. Ж., С. И.).— С. Пиотровский. Свет и тени Турции. М., 1981, с. 8.

² В. И. Ленин. О государстве.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 67.

³ В Азии, в частности, к этой типологической группе относят Индию, Пакистан, Турцию, Шри Ланка, Филиппины (см.: Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока. Т. 1. М., 1980, с. 36—46).

⁴ Отчет ЦК КПСС XXVI съезду КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС т. Л. И. Брежнева.— «Правда», 24.11.1980.

⁵ Государственный капитализм и социальная эволюция стран зарубежного Востока. Раздел IV. Анатолия госсектора. Глава XIII. Управленческий персонал госсектора и проблема правящей элиты (Р. Г. Ланда). М., 1980, с. 208—209.

⁶ Подобного рода терминология, на наш взгляд, уместна и в отношении характеристик турецкого национального капитализма. Эта типологически важная его черта наглядно проявилась в результатах проведенных в Турции в 1960 г. исследований, когда выяснилось, что 17% предпринимателей в турецкой промышленности происходят из семей государственных чиновников (См.: Emre Köpçüoğlu. İmparatorluktan günümüze Türkiye'nin toplumsal yapısı. İstanbul, 1978,

с. 447). Хотя главное, безусловно, не в этом, а в той роли, которую республиканское государство и чиновничество играли и играют в зарождении и поддержке частнокапиталистического предпринимательства в стране в целом.

⁷ Ю. Н. Розалиев. Экономическая история Турецкой Республики. М., 1980, с. 81.

⁸ İsmail Cem. *Türkiyede geri kalmışlığın tarihi*. İstanbul. 1973.

⁹ Там же, с. 72.

¹⁰ Там же, с. 79.

¹¹ Там же, с. 75.

¹² Там же, с. 79—80.

¹³ Там же, с. 81—83.

¹⁴ Там же, с. 85.

¹⁵ Там же, с. 85.

¹⁶ Там же, с. 86.

¹⁷ Не говоря уж об исследованиях советских историков-османистов, которые вскрыли сущность и показали конкретные формы системы социальной эксплуатации в средневековой Турции, концепцию И. Джемма опровергают также выводы современных западных авторов. Сошлемся, например, на одну из работ Д. Эргиля и Р. Родса, где, в частности, утверждается, что первейшей обязанностью огромной сельской бюрократии (сипахи.—А. Ж., С. И.) было извлечение налогов с податного населения внутри страны, между тем как мощная военная машина была предназначена для грабежа за пределами империи. Результатом эволюции османского феодализма, по мнению этих авторов, явилось то, что с XVII столетия в империи устанавливается одна из наименее производительных и в то же время наиболее эксплуататорских из когда-либо существовавших аграрных систем. Центральное место в функционировании этой системы занимало государство, бюрократический аппарат которого уже с конца XVI в. захлестнула волна разложения и коррупции. (См.: D. Ergil and R. Rhodes. *Western Capitalism and the Disintegration of the Ottoman Empire*.—*Economy and History*. 1975, № 1, с. 43—50.)

¹⁸ Известно, что в немарксистской историографии на этот счет высказываются различные точки зрения. Достаточно сопоставить далеко не идентичные взгляды таких специалистов, как К. Карпат, К. Финдлей и Х. Шараби. (См.: K. Karpat. *An Inquiry into the Social Foundation of Nationalism in the Ottoman State; from Social Estates to Classes, from Millet to Nations*. Princeton, 1973, с. 23; C. V. Findley. *Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire*. Princeton, 1980, с. 9; H. B. Sharabi. *Governments and Politics of the Middle East in the Twentieth Century*. N. Y., [б. г.], с. 12—13.)

¹⁹ И. М. Рейснер. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока.—*«Вопросы истории»*. 1951, № 6, с. 78.

²⁰ Е. М. Жуков, М. А. Барг, Е. Б. Черняк, В. И. Павлов. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 201.

²¹ İ. Cem. *Türkiyede geri kalmışlığın tarihi*, с. 76. С этим утверждением И. Джемма можно согласиться лишь отчасти. Историко-статистический анализ условий и принципов формирования правящей элиты Османской империи, который был проведен болгарским историком М. Тодоровой, показывает, что уже с конца XVII в. происходит изменение традиционной для средневековой системы рекрутирования политико-административной верхушки государственного аппарата. Прежняя, сравнительно открытая система «капы-кулу», допускавшая возможность восхождения к высшим административным должностям лиц из различных (зачастую низших) социальных прослоек, и условием вертикальной мобильности в которой нередко были административный опыт, талант военачальника и другие дарования личности, эта система с течением времени изменяется и становится все более «закрытой». В период реформ в XIX в., как показывает исследование М. Тодоровой, социальная прослойка, из которой формировался высший слой администрации империи, все более суживалась. По существу, османская правящая элита превратилась в замкнутую, самовоспроизводящую систему. См.: M. Todorova. *Composition of the Ruling Elite of the Ottoman Empire in the Period of*

Reforms (1826—1878).—«Etudes Balkaniques». Sofia, 1976, № 1, с. 105—106.

²² H. Inalcik. Capital Formation in the Ottoman Empire.—«The Journal of Economic History». 1969, № 1, с. 97.

²³ N. Berkes. 100 soruda Türkiye iktisat tarihi. İkinci cilt. İstanbul, 1975, с. 188.

²⁴ G. Vaer. The Administrative, Economic and Social Functions of Turkish Guilds.—«International Journal of Middle East Studies». 1970, № 1, с. 33.

²⁵ Там же, с. 38.

²⁶ Н. А. Иванов. О типологических особенностях арабо-османского феодализма.—«Народы Азии и Африки». 1978, № 3; И. М. Смиланская. Структура и эволюция господствующего класса Ближнего Востока на рубеже нового времени — там же; она же. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979.

²⁷ Н. А. Иванов. О типологических особенностях арабо-османского феодализма, с. 61.

²⁸ Н. Тодоров. Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 84—127.

²⁹ В первый состав ВНСТ, например, вошло 138 чиновников османской Турции, 53 офицера бывшей султанской армии и 53 духовных лица — это почти $\frac{2}{3}$ всего состава ВНСТ.— В. Lewis. The Emergence of Modern Turkey. L., 1962, с. 452.

³⁰ L. L. Roos and N. P. Roos. Managers of Modernizations. Organizations and Elites in Turkey (1950—1969). Cambridge, 1971, с. 24.

³¹ Там же, с. 26.

³² N. Eren. Turkey Today and Tomorrow. An Experiment in Westernization. N. Y.—L., 1963, с. 25.

³³ L. L. Roos, N. P. Roos. Managers of Modernizations, с. 6.

³⁴ F. W. Frey. The Turkish Political Elite. L., 1965, с. 116.

³⁵ В. Lewis. The Emergence of Modern Turkey, с. 369. Конечно же, Льюис здесь идеализирует английского служащего, хотя нужно признать, что у бюрократии могут быть свои национальные черты наряду с теми общими характеристиками, которые порождаются самим по себе внутренним механизмом функционирования буржуазного административного аппарата. Советский исследователь В. В. Песчанский, например, считает, что «в английской национальной традиции нет такого культа власти и ее носителя — чиновника („бюрократического служащего“ в более узком смысле), как это было в Германии. В силу этого специфическая психология „бюрократических служащих“ в Англии складывается на основе реальных („материальных“) особенностей „бюрократической ситуации“, а не ее особого общественного престижа» (см.: В. В. Песчанский. Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М., 1975, с. 169).

³⁶ Alfred Bonn. State and Economics in the Middle East. A Society in Transition. L., 1955, с. 31.

³⁷ В. Lewis. The Emergence of Modern Turkey, с. 464.

³⁸ Turkish Nationalism and Western Civilization. Selected Essays of Ziya Gökalp. N. Y., 1959, с. 310—311.